

СОВЕТ СТАРЕЙШИХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК¹: РЕФОРМА — УДАР ПО РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ. МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ РОЛИ РАН В НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Добрецов Н.Л., Золотов Ю.А., Иванов В.Т., Леонтьев Л.И.,
Макаров А.А., Мясоедов Б.Ф., Наточин Ю.В., Островский М.А.,
Розанов А.Ю., Черноусько Ф.Л.

Добрецов Н.Л. – академик РАН; **Золотов Ю.А.** – академик РАН; **Иванов В.Т.** – академик РАН; **Леонтьев Л.И.** – академик РАН; **Макаров А.А.** – академик РАН; **Мясоедов Б.Ф.** – академик РАН; **Наточин Ю.В.** – академик РАН; **Островский М.А.** – академик РАН; **Розанов А.Ю.** – академик РАН; **Черноусько Ф.Л.** – академик РАН.

Аннотация. В статье рассматриваются последствия реформы Российской академии наук (2013), приводятся итоги опроса академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН «Шесть лет реформы Российской академии наук: результаты и перспективы». Критикуются методы бюрократического управления наукой: публикационную активность, как критерий, принятый Министерством; разделение институтов РАН на категории; требование коммерческой отдачи от фундаментальных исследований; намерение присоединить академические институты к университетам; возрастной ценз для руководителей научных организаций и др. Всё это приводит к падению интереса мировой науки к российским научным результатам. Делается вывод: нельзя допускать стиль управления в науке, основанный на недостаточной компетентности и отсутствии ответственности за выполненную работу; верная и комплексная оценка может быть дана лишь тематическим Отделением РАН, где сконцентрирована компетентная точка зрения специалистов. Рассматриваются несоответствие: Нацпроект «Наука» нацелен на вхождение страны в пятерку ведущих стран мира по научно-технологическому развитию, а бюджет на науку выделяется в полтора раза меньше. Критикуется практика, когда не скоординированы действия более 60 министерств и ведомств, имеющих собственные средства на гражданские научные исследования. Все это приводит к отъезду учёных за границу. Приводятся пугающие цифры: мы потеряли целое поколение, которое ушло из науки, и поколение, которое не пришло в науку; страна лишилась одного из главных конкурентных преимуществ на мировой арене – Российской академии наук; реорганизация системы управления наукой не связана с целями, заявленными Стратегией НТР РФ. Для решения задачи, поставленной Президентом РФ о ликвидации технологического отставания, в статье делаются конкретные предложения по улучшению ситуации.

Ключевые слова: фундаментальная наука, реформа РАН, стиль управления наукой, Нацпроект «Наука», ликвидация технологического отставания.

Ссылка при цитировании. Добрецов Н.Л., Золотов Ю.А., Иванов В.Т., Леонтьев Л.И., Макаров А.А., Мясоедов Б.Ф., Наточин Ю.В., Островский М.А., Розанов А.Ю., Черноусько Ф.Л. Совет старейшин Российской академии наук: Реформа - удар по российской академической науке. Меры по повышению роли РАН в научно-технологическом развитии России // Представительная власть – XXI век. 2020. – №1-2. С. 12–20.

Более шести лет прошло, как стартовала реформа Российской академии наук (2013). Нанесён «чудовищный удар по российской академической науке – ни одно советское, а затем и российское Правительство так не вредило своему научному потенциалу», – с таким заявлением в Совете Федерации выступил академик РАН А.Д. Некипелов (декабрь 2019 года) [7].

Это не частное мнение одного учёного. По инициативе Президиума РАН проведён опрос академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН «Шесть лет реформы Российской академии наук: результаты и перспективы» – подавляющее большинство (60,7%) считают влияние реформы отрицательным или крайне отрицательным (в Дальневосточном Отделении РАН – это

¹ Совет Старейшин — основные сведения: образован Президентом РАН из выдающихся ученых старшего поколения (в возрасте более 80 лет), обладающих огромным опытом, который предполагается использовать для рекомендательных консультаций. Совет Старейшин по поручению Президента РАН рассматривает и оценивает научные и научно-организационные вопросы, а также проблемы структурных преобразований и функционирования Академии наук и др. Совет может привлекать к работе членов Академии, профессоров РАН и сотрудников аппарата РАН для консультаций.

100% отвечавших, в Уральском Отделении РАН — 94,7%).

Возмущение учёных вызвано и тем, что действие реформы идёт вразрез с основными установками, данными главой государства. Листаем документы за последние два десятилетия — начиная, скажем, с указа Президента от 2002 года «Основы политики в области развития науки, техники и технологий на период до 2010 года и на дальнейшую перспективу» [1] и до недавней Стратегии научно-технологического развития России до 2035 года [2]. Фундаментальная наука в этих документах определяется как одна из стратегических составляющих развития общества. Это системообразующий институт развития нации, основа для разработки широкого спектра качественно новых технологий, а также для развития системы образования. Он, в условиях глобальных научно-технологических трансформаций начала XXI века, обеспечивает оборону и безопасность, относится к числу высших приоритетов и определяет место России в современном мире.

И вдруг — **«ликвидировать Российскую академию наук»!** Такой термин использован в тексте первого варианта законопроекта о реформе РАН, предложенного Госдуме, позже его убрали, но осталось устойчивое впечатление, что именно его-то активно и реализовывали все эти годы.

Чтобы убедиться в этом, возьмём в качестве рубризатора План деятельности Министерства науки и высшего образования (преемника ФАНО), утвержденный им самим: «развитие передовой инфраструктуры научных исследований», «обеспечение привлекательности работы для российских и зарубежных ведущих учёных», «сбалансированная система воспроизводства кадров», «формирование научного задела», «формирование сектора прикладных научных исследований», «формирование современной системы управления в области науки» и т.д. Всё, что осуществлялось Министерством пункт за пунктом, противоречило по содержанию указанной деятельности: шло последовательное разрушение науки, Российской академии наук.

Взять, к примеру, публикационную активность и принятый Министерством критерий: какой научной организации выделять финансовых средств больше, а какой меньше. Установлена норма — удвоить число публикаций в Web of Science, а госфинансирование производить в прямой пропорции к количеству публикаций.

Со стороны учёных это вызвало несогласие. Ведь наук много, и они очень разные: есть гуманитарные, специализирующиеся на публикациях, а, например, у экспериментаторов в области естественных наук публикаций значительно меньше. Далее,

в Министерстве решили, что одна монография гуманитариев, а также биологов и геологов, будет приравнена к двум статьям — но история знает множество примеров, когда серьёзнейшая монография пишется учёным и десять лет, и даже двадцать лет; статья обычно живёт несколько лет, а большая часть монографий востребована десятилетиями. В каждой области науки специалист знает: научный результат вообще может быть только идеей, и даже отрицательный результат иногда исключительно ценен для науки! Наконец, специалисты знают, что наукометрические индексы не всегда добываются честным путём. Ведущим же институтам, флагманам науки, вообще незачем жёстко планировать публикации в госзадании, ведь мир науки им доверяет!

Однако чиновники продолжают принуждать учёных публиковаться не в российских журналах (что губит отечественную научную журналистику), а в зарубежных, добиваются от исследователей повышения рецензируемости и цитируемости. В Министерстве настаивают: нам этот критерий нужен, чтобы на что-то опереться, удостовериться, что произведена конкретная продукция.

Однако вот к чему приводит новация с таким критерием: появилось множество приглашений организовать публикацию статьи в научном журнале за плату — и, разумеется, пошёл вал публикаций. Стартовали также и не афишируемые договоренности активного перекрестного цитирования, поскольку индекс цитирования также учитывается. Итогом стал взлёт «мусорных» оплаченных публикаций с одновременным падением интереса мировой науки к российским научным результатам. Как это горько!

Причина проста: не понимая, как устроена наука, многие сотрудники Министерства пытаются найти простой критерий для управления, понятный не только им, но, главное, их начальству. Соответственно, стало возводиться в правило то, что является путаницей в их головах — по поводу цели и индикаторов: они думают, что в научной сфере в индикаторах отражается и движение к цели, и достижение цели — но в науке это зачастую вовсе не так. Потому-то настаивать на жёстком использовании таких индикаторов очень опасно.

Веками проверено: верная и комплексная оценка может быть дана лишь тематическими Отделениями РАН, где сконцентрирована компетентная точка зрения специалистов, и где понимают, что наукометрические показатели — лишь вспомогательные величины. Отделение, как правило, и без них хорошо видит, кто в данном научном направлении лидирует, а кто — в отстающих. Отделение может дать многостороннюю оценку.

Специалистам РАН видна актуальность, важность проводимых фундаментальных исследований, и полученных при этом научных результатов, возможность их практического использования в институтах РАН (отделов, лабораторий), публикационная активность конкретных учёных и подразделений, участие в международных и отечественных конференциях, подготовка молодых специалистов, оптимальность структуры организаций, работа ученых советов и научных семинаров и т.д. Все это регулярно, раз в 3-5 лет, оценивалось специальными комиссиями, создаваемыми Президиумом, тематическими и региональными Отделениями РАН с участием ведущих специалистов. Результаты таких проверок всегда обсуждались на заседаниях Президиума РАН или Отделений, принимались соответствующие решения, в том числе о прекращении исследований, потерявших актуальность. Словом, в управлении академической наукой замены Отделению – тематическому и региональному – по существу, нет. И 95,8% респондентов выступают за то, чтобы их освободили от мелочного регулирования и жёсткого контроля со стороны государственных ведомств вместо научного обсуждения с целью поиска истины.

Кстати, уже в нынешнем, 2020 году Министерство разослало по институтам методику расчёта нового

«Комплексного балла публикационной активности», что привело учёных в ужас. В методике предлагаются громоздкие формулы (недоступные среднему пониманию) со сложными конструкциями в числителе и знаменателе, с инфляционными и корректирующими коэффициентами, множителями и графиками кривых. На сегодня ведущие системы организации науки многих стран мира полностью отказались рассматривать наукометрию как основу управления.

И в разделении институтов РАН на три категории также обнажился формальный стиль – оно было инициировано ещё в «эпоху» ФАНО. Тогда на гул недоумений со стороны учёных ответ чиновников был: не беспокойтесь, разделение институтов на категории не будет иметь материальных или каких-либо иных последствий, это лишь проба, отработка методических подходов (сейчас в стенограмме можно прочитать те заверения). И что же? Сегодня Министерство финансирует закупки оборудования лишь для институтов первой категории, ничего не давая институтам второй и третьей категории. Лукавство обернулось разрушением!

Дело в том, что институты второй и третьей категории зачастую не по своей вине, а из-за нехватки средств оказались в отстающих. Значит, надо не наказывать их, а помочь, следовательно – дать

им, наоборот, больше средств для закупки современного научного оборудования. Иначе они уже в ближайшие годы, потеряв уровень исследований, точно никому не будут нужны.

Про институты третьей категории – особый разговор. При детальном знакомстве очень часто выясняется, что институт, хоть он и в отстающих, выполняет уникальные работы, которые больше в стране не делает никто. И тогда уже в стратегических интересах государства: всемерно помочь, не дать погибнуть коллективу, ведь «стакан не только наполовину пуст, но и наполовину полон». Отставание научного коллектива очевидно, но его надо спасти! Если же росчерком пера свести к нулю его работу, мы рискуем вообще безвозвратно потерять многие научные направления.

Отсутствует логика и во многих требованиях получать коммерческую отдачу от фундаментальных исследований. Да, такая отдача не всегда есть сразу, но обязательно будет в долгосрочной перспективе при условии развитой в стране цепочки создания новых технологий, образцов продукции. Иначе жёсткое требование немедленной коммерческой отдачи обернётся лишь деградацией фундаментальной науки.

Вновь усилилось стремление присоединить академические институты к университетам. Рождается эта идея в тех же самых кругах, где в постсоветскую эпоху последовательно уничтожали научные лаборатории в сотнях вузов, прекращая их финансирование – и добились своего, за исключением первой десятки ведущих университетов страны! Да плюс довели зарплату у доцентов до такого уровня, что те вынужденно работают в двух-трёх местах, и ни на какие исследования у них уже просто нет времени. Как же к такому учреждению присоединять академические институты? Это может привести только к уничтожению науки! По проведенному опросу почти 80% академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН – против такой «идеи»!

Ещё об одном «ЧП» в науке. В связи с массовой заменой директоров институтов при достижении ими 65-летнего возраста надо снова вернуться к теме научных школ, снова осознать значение этого понятия при организации науки. Вот уже три века (до 2017 года) во главе лабораторий, отделов, направлений и институтов ставились только ведущие, авторитетные учёные. Мнения именно таких ученых, с точки зрения Академии наук, были приоритетными при создании нового подразделения, определении круга задач и направлений работы. Сейчас же, в условиях реформы РАН, при назначении нового руководителя научной организации главное, чтобы он

был молод и близок к министерству, т.е. с точки зрения логики науки главными сделаны иные, вторичные свойства.

Чтобы воспрепятствовать разрушениям, неизбежным при такой кадровой политике, Академия наук попыталась продвигать в качестве обязательной для института фигуру научного руководителя (как правило, бывшего директора). Но, как, увы, и опасались, на практике нововведение не сработало. Жизнь есть жизнь: реальный процесс управления в институте часто не терпит двоевластия, а полномочий у научного руководителя, по сравнению с директорскими, не так много.

Считаем, необходимо немедленно возродить оправдавший себя подход в российской науке: строить новое подразделение (лабораторию, отдел, институт) вокруг научной школы, соответственно, руководителем должен стать основатель этой школы – НЕЗАВИСИМО ОТ ВОЗРАСТА, а его заместителем – чтобы справиться с ежедневным объёмом организационной и бюрократической работы – поставить молодого человека с навыками эффективного менеджера.

По этим и другим примерам очевидно: нельзя допускать **стиль управления в науке, допускающий недостаточную научную компетентность руководителей и отсутствия их полной ответственности за выполняемую работу.**

Другая часть проблем фундаментальной науки связана с эффективностью Нацпроекта «Наука» [4]. Известно, что некоторые чиновники, в том числе высшего ранга, в предшествующие пару лет выступали против реализации Национальных проектов, утверждая и в СМИ, и с высоких трибун, что Нацпроекты губят российскую экономику. К счастью, сегодня мы стали свидетелями того, какими радикальными оргмерами Президент страны отреагировал на эту пагубную позицию. И уже перед новым составом Правительства поставил задачу: Нацпроекты надо непременно реализовать, и делать это быстро и эффективно.

Ещё в середине 2019 года в опросах учёные предупреждали, что Нацпроект «Наука» находится под угрозой срыва. Как известно, в Нацпроекте поставлена задача войти в пятерку ведущих стран мира по приоритетным направлениям научно-технологического развития, для этого было намечено в 1,7 раза к 2024 году увеличить внутренние затраты на исследования и разработки. Но, увы! Бюджет на науку выделялся прежним Правительством в полтора раза меньше, чем было указано Президентом РФ.

Важно понять, на фоне каких кричащих цифр это происходит. По объёму государственных рас-

ходов на науку мы отстаём от США в 33 раза, от Германии – в 8 раз, от Южной Кореи – в 4 раза. От Китая отстаём в 22 раза, и он, кстати, инвестирует в развитие собственной науки полтора федеральных бюджета Российской Федерации. **Мы занимаем 35-е место в мире по объёму финансирования науки на душу населения.**

Срыв фактического выполнения многих пунктов Нацпроектов сопровождался манипуляциями чиновников ради улучшения отчётности. Например, вводились «новые» методики расчета средних зарплат в субъектах Федерации, навязывалось иное «понимание» формулировок майских указов, таких как «высокопроизводительные рабочие места». И в академических институтах также процветает двойная статистика – почти двукратно отличаются зарплата для «отчёта» и сумма в банковских выписках! Скажем, в реальной зарплате доктора наук (в Москве) нет и сорока тысяч руб., а на бумаге – семьдесят! В указах Президента РФ идёт речь о коренной модернизации приборной базы, а институты, вынужденные выполнять жёсткие требования по зарплате, резко урезают расходы на литературу, командировки, оборудование. Хотя по оснащенности рабочих мест мы в 10 раз отстаём от научно ориентированных стран. Любопытно и верно при этом, что Счетная палата считает, что науке «...предъявляются «избыточные требования» к отчётности и процедурам контроля за расходованием средств».

Между тем, в ряде случаев дела обстоят ещё серьезнее. Вот, например, на Общем собрании РАН в ноябре 2019 года председатель Комитета Госдумы по образованию и науке В.А. Никонов сказал, что чёткого целеполагания в нашей бюджетной политике не обнаружено, так и не появился единый раздел по науке, расходы на науку «рассыпаны» по разным разделам [6]. Более 60 главных распорядителей бюджетных средств (практически все министерства и ведомства) имеют собственные средства на гражданские научные исследования – и они не только не скоординированы, но и уровень их выполнения не современен. Это исключает целостность и полноту достижения целей, порождает разбухание бюрократического аппарата, увеличивает время принятия решений, ведёт к нерациональному расходованию бюджетных средств, тормозит использование результатов исследований в высокотехнологичных областях, в том числе обороне страны.

Другой пример (и разве это не саботаж?). В 2013 году у инициаторов реформы РАН ни слова не было об её целях, и лишь позже было сказано: мол, реформы – это для интеграции науки и практики, обеспечения замкнутого инновационного цикла. Но прошло уже шесть лет, а по-прежнему 81,7% финансирования науки идёт из госбюджета, доля

же частных компаний – всего 4,3%, т.е. никто не разбудил заинтересованность бизнеса.

Пункт о международном сотрудничестве: он есть среди поправок к закону об Академии, подписанных Президентом РФ. Но в Минфине ответили: финансирования этой деятельности не будет, потому что нет нормативно-правовой базы. И до сих пор её нет. Сколько же ждать?

Словом, всё это приводит к хаосу, а не к нормальной научно-исследовательской работе. Отсюда – отъезд учёных за границу, и цифры устрасшие. На правительственном часе в Госдуме прозвучало: если в начале 1990-х годов в стране был 1 млн. 700 тыс. исследователей, то сейчас – 700 тыс. **Мы потеряли целое поколение, которое ушло из науки, и поколение, которое не пришло в науку,** потому что в ней не платили и формировали отрицательный образ учёного.

Даже за последние пять лет по сравнению с 2015 годом число кандидатов наук сократилось с 83,5 тысячи до 77,3 тысячи, докторов наук – с 28,1 до 26,1 тысячи. В 2010 году было 157,4 тысяч аспирантов, в 2018 – 90,8 тысяч, т.е. численность молодых учёных сократилась более чем на треть. Аспирантура в 2010 году выпускала с защитой диссертации 9,6 тысяч человек, в прошлом году – всего 2,2 тысячи, в 4 раза меньше. На треть сократилось за 2016–2017 годы число исследований по приоритетным направлениям – сообщила на Общем собрании членов РАН (ноябрь 2018 года) вице-премьер Т.А. Голикова [5]. На 10 тысяч человек населения число исследователей в России – 49, а, например, в Израиле – в 3,5 раза больше.

Соответственно, развернулась «охота» иностранных фирм за нашими молодыми учёными. «Хуавей» сейчас ищет наших программистов, перекупает их для создания своей операционной системы. Среди профессоров американских университетов около четырёх тысяч россиян. Дело идёт к разрушению науки: ведь и исследовательские работы, и внедрение технологий требуют опытных специалистов, если страна их лишится, ничего не поможет.

Смысл реформы РАН 2013 года не был разъяснён научному сообществу, теперь он в целом стал понятен. Когда доходы страны строятся на экспортно-сырьевой модели экономики, государству, и особенно крупному бизнесу, чистая наука не нужна, не интересна, у реального сектора экономики низкая потребность в отечественных технологиях, стала не нужна Академия наук, как самостоятельный институт получения новых знаний. И, наоборот, всё более стали нужны специалисты, умеющие лишь использовать «пришлые» новые технологии, а не те специалисты, которые сами умеют их разрабатывать. Потому-то науку по значи-

мости для страны опустили вниз по лестнице приоритетов: признали «услугой» и отнесли к затратной социальной сфере, а не к ведущей производительной силе, как это принято в развитых странах. Не нужна стала и целостная системная государственная научно-техническая политика. Академию наук превратили в «клуб учёных», с отчуждением имущественного комплекса институтов, отстранением учёных от управления научными исследованиями, отъёмом у Академии жизненно важных структур, предусмотренных законом: Архива РАН, Кунсткамеры, библиотек, домов учёных... Таков, видимо, и был смысл реформы РАН 2013 года.

Но не проговорено – что при этом теряет страна? Она лишилась одного из главных конкурентных преимуществ на мировой арене – Российской академии наук как ведущей научной организации, которая уже три века обеспечивала получение новых знаний для выработки стратегии развития, для достижения поставленных целей, для усиления обороны и безопасности.

На первый взгляд, взаимоотношения между РАН и Минобрнауки урегулированы правительственным постановлением – речь в документах идёт о научно-методическом руководстве научной и научно-технической деятельностью организа-

ций, а также учреждений высшего образования, а также об экспертизе научных и научно-технических результатов всех научных учреждений и университетов. Но это лишь на словах: названные функции не реализуемы в полной мере, когда у Академии наук нет институтов, а научно-методическое руководство ими не регламентировано и не носит обязательного характера.

Теперь в отношении присоединения РАН и РАСХН к Академии наук – что сделано реформой. Ранее они напрямую профессионально и полноценно сотрудничали с их профильными министерствами. В новой же системе управления институты этих академий переподчинены непрофильному органу государственной власти. То есть буквально на голом месте созданы межведомственные препятствия и теперь обе отрасли, отвечающие за медицину и продовольствие – важнейшие составляющие национальной безопасности страны – оказались отстранёнными от истинного научного сопровождения.

Угроза возникла и территориальной целостности России: реформирование региональной структуры РАН привело к дезинтеграции единого научно-технологического пространства страны и ослаблению научно-технической деятельности в регионах.

Негативные тенденции в науке создают риски также для обороны государства.

Потому-то в опросе респонденты указали: **реорганизация системы управления наукой не связана с целями, заявленными Стратегией НТР РФ** (до 2035 года). Академик Г.И. Марчук, президент Академии наук СССР (1986–1991), предостерегал: «Уже один эксперимент по расчленению Академии наук СССР был в нашей стране при Н.С. Хрущеве. Из её состава были выведены почти сто прекрасных институтов технологического профиля. Через пять лет они превратились в серенькие, посредственные институты, ныне доживающие свой век уже в отраслях».

О возможных путях улучшения ситуации. Какая модель развития науки предпочтительна? Положение сегодня резко изменилось, утвержден новый состав Правительства. Объявив приоритет Нацпроектов, Президент страны фактически впервые в постсоветский период сформулировал не экспортно-сырьевой вектор развития, а такой, который направлен на решение самых важных и злободневных задач государства и общества. Соответственно, требуются изменения и в системе управления всей научно-технологической сферой, путях повышения эффективности труда исследователей. Какими должны быть черты новой модели управления наукой?

Единой модели, к которой надо было бы стремиться, не существует: они разных странах различаются принципиально.

Но в системе управления наукой есть главное – необходимо учитывать внутреннюю логику развития науки, **создавать условия для научного поиска**, для реализации профессиональных амбиций учёных, для продуцирования научными организациями результатов, для создания новых технологий и продукции, для формирования новых сегментов рынка наукоёмкой продукции.

Общие условия достижения этих целей давно названы. Надо довести расходы бюджета на науку до уровня, принятого в развитых странах. 96,2% опрошенных учёных выступили за модернизацию инфраструктуры, т.е. за переоснащение лабораторий, закупку реактивов для экспериментальной работы. Кратно надо снизить бюрократизацию науки, объём отчётности. Необходимо обеспечить нормальную социальную защиту учёного – достойный оклад, пенсия: ведь оплата труда у военных, прокуроров, полицейских, министерских чиновников и депутатов намного выше, чем у учёных – разве учёные не ценны для страны?

Особое внимание следует уделить развитию взаимодополняющего взаимодействия высшего образования, академической и отраслевой науки. 95,5%

респондентов поддерживают развитие аспирантуры на условиях, привлекательных для научной молодёжи. Для этого надо, например, наделить институты РАН (хотя бы ведущие) правом автоматического получения лицензий и аккредитации на специалитет, бакалавриат, магистратуру и аспирантуру. Эта идея была заложена 300 лет назад в оригинальной по смыслу идее создания Академии наук в Российской империи как единения её с гимназией и университетом.

Всерьёз следует заняться интеграцией науки и практики, разработать новую законодательную базу для коммерциализации интеллектуальной собственности научных и научно-образовательных организаций с государственным (со)финансированием.

Можно обсудить и следующее предложение: в целях единства управления всем научно-технологическим комплексом **создать по аналогии с ГКНТ СССР единый координирующий орган под руководством вице-премьера**, отвечающего за науку. Этот надведомственный орган должен отвечать за реализацию Стратегии научно-технологического развития, координировать научную, научно-техническую и инновационную деятельность всех министерств и ведомств гражданского и военного назначения.

Один из уроков печальной истории реформы: науке, прежде всего академической, нельзя ждать, пока её услышат, она сама должна быть участником формирования научной политики государства – сегодня в этом убеждены 73% респондентов. Глава комитета по науке Государственной Думы В.А. Никонов призвал на Общем собрании РАН Академию наук стать авторитетной интеллектуальной силой [6].

Целесообразно поддержать предложение: придать РАН статус федерального органа – по типу статуса Центрального Банка РФ – осуществляющего всю полноту управления наукой в РФ. За это предложение выступило 77,2% опрошенных. Необходимо расширить полномочия РАН в управлении исследовательской деятельностью, в вопросах финансирования и экспертной оценки.

Таким может быть решение проблем о ведущей роли РАН, о системе организации процесса генерации научных знаний и создания технологий – конкурентоспособной, компактной, на базе цифровых технологий и современных принципов организации. Следует вернуть отвергнутую реформой 2013 года академическую модель развития науки, сохранить институты в системе РАН. По нашему мнению, раньше Академия наук значительно эффективнее распоряжалась деньгами, которые выделяла ей власть, чем это происходит сегодня. Возможно,

следует добавить Академии наук и новые функции: например, научное сопровождение системы государственного стратегического прогнозирования и планирования.

Реформа РАН разрушила академическое самоуправление. Между тем мировая практика подтверждает: предоставление профессиональным научным сообществам (в нашем случае – Академии наук) полной самостоятельности в выборе направлений и методов исследований – путь наиболее эффективного использования средств для выполнения государственной программы. В нашей стране даже законодательно установлено, что управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления. Свобода научного творчества в рамках государственной программы даст оптимальное решение для развития страны.

Ни в коем случае нельзя сделать ошибку с проектом нового закона о науке [3]. Он с 2014 года разрабатывается Минобрнауки. Но многочисленные обсуждения показали несостоятельность его концепции. В 2018 году профильный комитет Госдумы принял решение о её пересмотре. Суть вопроса здесь в следующем. Помимо того, что есть Нацпроект «Наука», в реализации каждого из остальных 11 Нацпроектов участие науки – важный составляющий элемент. Когда зарабо-

тают все Нацпроекты, и государство, и общество увидят реальное значение науки, эффект от её наиболее перспективных направлений исследований, то этот результат и должен стать фундаментом концепции нового закона. Но пока вся работа по Нацпроектам стоит на месте, соответственно, получается, что единственным основанием концепции закона неизбежно становится простая модификация реформы РАН 2013 года. Но тогда даже и посторонних усилий не потребуется для уничтожения науки в России – достаточно будет просто реализовать этот закон. Поэтому есть предложение: не спешить с этим законом – пусть его рассмотрят депутаты Государственной Думы РФ следующего, VIII созыва, которые будут избраны в 2021 году.

Президентом впервые в постсоветское время обозначена проблема ликвидации технологического отставания, и это не только экспортно-сырьевой вектор развития страны. Однако реформа, между тем, продолжает своё разрушительное дело. Как **суметь модифицировать принятые** решения для развития научно-технического потенциала страны?

В качестве первоочередных мер предлагается:

1. Новому Правительству разработать и утвердить значительно модифицированный регламент взаимодействия РАН и Министерства науки и выс-

шего образования Российской Федерации, включающий следующие пункты:

а) поручить РАН обеспечение координации деятельности НИИ с правом утверждения (второй подписи) планов соответствующих НИР и утверждения отчетов; обеспечивать координацию международной деятельности НИИ (с правом второй подписи) программ сотрудничества и утверждения отчетов; утверждать (ставить вторую подпись) приказы на назначение и увольнение директоров НИИ (включая ВРИО);

б) повысить роль тематических и региональных Отделений РАН, поручив им вместе с институтами формулировать программу, а не только проводить экспертизу тематики госзаданий на проведение НИР, оперативно корректировать госзадания в соответствии с поручениями руководства страны и актуальными приоритетами науки через оперативный фонд НИР в Минобрнауке; формировать состав научной части комиссий по проверке институтов РАН;

в) повысить роль региональных отделений РАН в проведении региональной политики и координации деятельности НИИ на основе стратегии НТР и стратегии регионального развития, согласовывать создание региональных филиалов РАН (по примеру Иркутского филиала СО РАН);

г) поручить РАН и её региональным отделениям проводить совместно с Минобрнауки конкурсы межинститутских проектов с передачей в РАН части средств национального проекта «Наука»,

используя успешный опыт дореформенных конкурсов и конкурса 2013-2014 годов;

2. Поручить РАН совместно с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации разработать новый проект Закона о науке и научно-технической деятельности.

3. Усилить в Стратегии НТР и Стратегии регионального развития роль экспертизы РАН и обязательность её исполнения, принципы государственного регулирования совместно с принципами самоуправления в РАН и институтах РАН.

Итак, «поезд ещё не ушел»: российскую академическую науку и Российскую академию наук ещё можно восстановить путём последовательного научно-технологического развития на базе академических институтов.

Библиография

1. Основы политики в области развития науки, техники и технологий на период до 2010 года и на дальнейшую перспективу. Письмо Президента РФ от 30.03.2002 N Пр-576.
2. О стратегии научно-технологического развития России.. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642.
3. Проект закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации» https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=1519
4. Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16).
5. Выступление Т. Голиковой на Общем собрании РАН, ноябрь 2018, <http://government.ru/news/34686/>
6. Выступление В. Никонова на Общем собрании РАН <http://komitet8.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/18714309>
7. Выступление в Совете Федерации академика РАН А.Д. Некипелова (декабрь 2019 года) <https://news.sputnik.ru/obschestvo/19bd3f440b0290afb15be123199afa7bf0165bd9>

DOBRETsov N.L., ZOLOTov YU.A., IVANOV V.T., LEONTIEV L.I., MAKAROV A.A., MYASOYEDOV B.F., NATOCHIN YU.V., OSTROVSKY M.A., ROZANOV A.YU., TCHERNOUSKO F.L., COUNCIL OF ELDERS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. THE REFORM IS A BLOW TO THE RUSSIAN ACADEMIC SCIENCE. MEASURES TO ENHANCE THE ROLE OF THE RAS IN THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Dobretsov N.L. – Academician RAS; **Zolotov Yu.A.**, **Ivanov V.T.**, **Leontiev L.I.** – Academician RAS; **Makarov A.A.** – Academician RAS; **Myasoyedov B.F.** – Academician RAS; **Natochin Yu.V.** – Academician RAS; **Ostrovsky M.A.** – Academician RAS; **Rozanov A.Yu.** – Academician RAS; **Ushachev I.G.** – Academician RAS; **Tchernousko F.L.** – Academician RAS.

Abstract. The article examines the effects of the reform of the Russian Academy of Sciences (2013) and presents the findings of the polling of the full members, corresponding members, and professors of the RAS, «Six Years of the Reform of the Russian Academy of Sciences: Results and Prospects». Criticism is set forth of the bureaucratic methods of governing science; the use of publication activity as the criterion adopted by the Ministry; the requirement of commercial returns from fundamental research; the tendency to attach academic institutes to universities; the age qualification for the leaders of research organizations, etc. All this leads to the shrinking of the interest of the world science in the Russian research results. The conclusion is made of the inadmissibility of managing science in a style based on inadequate professional competence and lack of responsibility for the work performed, while the true and comprehensive evaluation can only be provided by the respective departments of the RAS which concentrate the competent judgement of specialists.

The inconsistency is discussed of the state science budget being reduced one and a half times, while the National Project «Science» sets the goal for Russia to become one of the five leading countries in terms of scientific and technological development. Criticism is offered of the lack of coordination among over 60 ministries and government agencies that have own budgets for civil scientific research. Figures are cited to illustrate the process of the scientists' exodus abroad. We have lost a whole generation of those who have left science and a generation of those who have not joined science; the country has lost one of its main competitive advantages on the global arena, the Russian Academy of Sciences. The reorganization of the science governance system is not consistent with the objectives as set forth by the RF Strategy of Scientific and Technological Development. In view of the goal set by the President of eliminating the technological gap, some specific proposals are put forth of improving the situation.

Key words: fundamental science, reform of RAS, science governance style, National Project «Science», elimination of technological gap.